Николай Семёнович Лесков

Карикатурный идеал

Николай Лесков

Карикатурный идеал

«Public Domain»

1977

Лесков Н. С.

Карикатурный идеал / Н. С. Лесков — «Public Domain», 1977

Статья посвящена оценке книги Ф. В. Ливанова «Жизнь сельского священника. Бытовая хроника из жизни русского духовенства» и является ценным свидетельством его серьезных расхождений с лагерем идейной реакции к концу 70-х годов. Лесков высмеивает не только надуманное, чуждое подлинного знания жизни произведение Ливанова, но и те низкопробные приемы реакционных беллетристов, которые они применяли в своих нападках на радикальных демократических деятелей, на прогрессивную молодежь.

© Лесков Н. С., 1977
© Public Domain, 1977

Содержание

I 5
II 7
III 10
IV 12
Конец ознакомительного фрагмента. 14
Комментарии

Николай Семенович Лесков
Карикатурный идеал
Утопия из церковно-бытовой жизни (критический этюд)

I

Есть сочинения, которые настойчиво требуют критической оценки, не по их литературному значению (которого они могут и совсем не иметь), а по свойству затрагиваемых ими вопросов и по условиям времени, при которых они появляются в свет. Таково во всех отношениях недавно вышедшее сочинение имеющего довольно своеобразную известность московского писателя Ф. В. Ливанова. Книга эта называется «Жизнь сельского священника – бытовая хроника из жизни сельского духовенства»; она мне кажется достойною разбора, которому я и посвящаю наступающие строки.

Мне, может быть, не следовало бы писать об этой бытовой хронике, потому что я сам напечатал хронику под заглавием «Соборяне»; но моя хроника представляла совсем иное время – в ней описан не век нынешний, а век минувший, – «догорающие свечи *старой поповки*», которой ударил час обновления. Я не намечал новых типов и, по совести говоря, убежден, что это еще невозможно: типы эти еще не выработались, не определились, и художественное воспроизведение их не может дать ничего цельного. Конечно, среди епархиального духовенства по местам обнаруживается весьма заметное и давно желанное оживление, но все это пока еще – как тесто на опаре – пузырится и всходит, а мудрено сказать, каково оно выходится. Я всегда был того мнения, что воспроизведением новых типов из духовенства лучше не торопиться и подождать, но ожидание, вероятно, так утомительно, что после моих «Соборян» явились уже две хроники с «новыми попами», – одна принадлежит перу светского человека и называется «Изо дня в день, – записки сельского священника»[1], другая – едва не погибшая в муках рождения – предлежащая нам книга Ливанова. О первой из этих книг совсем нельзя говорить, потому что автор ее вовсе не владеет знанием условии быта, который он хотел воспроизвесть; во второй же, написанной г. Ливановым, есть и знание быта, и есть нечто иное, тоже весьма ценное: это, если можно так выразиться, субъективная объективность автора в воспроизведенном его фантазиею идеале нового сельского священника. Сочинить такой идеал и такие положения, какие придуманы г. Ливановым, может только пылкий, мечтательный семинарист, знающий скорби духовного быта, но имеющий слишком поверхностные и уносчивые понятия о средствах для выхода из области этих скорбей. Но и самые, как говорят, «фантазироватые» семинаристы, грезящие такими мечтами в свои юные годы, не доносят их до конца семинарского курса, а г. Ливанов сохранил эти мечтания до своего солидного возраста и изданием этой книжки стремится к их распространению среди читателей, которых, по заявлению этого писателя, у него чрезвычайно много.

Его книжка, всеконечно, может быть прочитана людьми, которые заметят близкое и довольно основательное знакомство автора с одной (отрицательною) стороною бытовой жизни сельского духовенства и, может быть, не сразу отличат сильную фальшь, какая находится в других частях хроники.

---

[1] Этой книжке сделана была критическая оценка в «Страннике» за 1876 г. (см. рецензию Пр-пова в январской книжке, стр. 15–22). *(Прим. автора.)*

Задача настоящей статьи: показать по возможности серьезность представленного в хронике *«идеала нового сельского священника»*, его борьбы, поражений, побед и окончательного торжества. Задача эта не может быть бесплодна в наши дни, когда тип «нового человека» на месте приходского пастыря действительно формируется, но еще неясен. Самый же предмет так жив и благодаря г Ливанову поставлен так забавно, что читатели «Странника», конечно, не соскучатся и не посетуют за являющийся пред ними отчет об оригинальном новаторе сельского прихода.

II

История начинается в губернском городе с приездом туда из Петербурга нового архиерея Хрисанфа, который до того был в Петербурге ректором… Читателю может показаться это чем-то знакомым? – конечно, – имя архиерея и его прежнее служение с первого же раза что-то и кого-то напоминают; но таких сюрпризов впереди еще мною, и потому не будем на этом останавливаться.

Новый архиерей Хрисанф не говорит ректору семинарии, «как прежние» (стр. 3): «что за вздор ты несешь» и даже «дурак». Он очень мягок и благороден. – Происходит публичный экзамен, на котором присутствует, между прочим, «светская девушка, племянница советника губернского правления, Вера Николаевна Татищева». Племянницы советников губернских правлений, «светские девушки», – разумеется, «светские» только в том же смысле, как всякая девушка не из духовенства; но как автор понимает эту «светскость», – неизвестно. Кажется, он ее понимает не совсем так. Тут же, на семинарском экзамене, сидят «дамы высшего круга», – они «говорили с важными господами и *нюхали букеты*» (5). Автор полагает, что «дамы высшего круга» все нюхают букеты и, получив малосвойственное им желание посетить семинарский экзамен, непременно и там будут «нюхать букеты». Это, конечно, свидетельствует о его полном незнакомстве с обычаями «дам высшего круга», которых он без всякого для себя ущерба мог бы и не описывать; но это теперь модная слабость наших писателей, из коих один, вероятно, столь же, как и г. Ливанов, знакомый со «светом», писал: «Я, как все великосветские люди, встаю поздно и сейчас же иду в трактир пить чай». На экзамене отличается студент Алмазов, производящий сильное впечатление на «светскую» племянницу советника Веру Татищеву. Фамилия *«Татищева»* опять может показаться поставленною так же нецеремонно и неловко, как и имя архиерея Хрисанфа; но уже это у автора такая привычка, которая неизвестно куда заведет его. Студент Алмазов – это будущий герой хроники, а Вера Татищева-героиня. Обед кончен, владыка Хрисанф уезжает, но… «в городских церквах не звонят» (6). Архиерей Хрисанф тоже новый тип: он не только доступен, прост и вежлив, но он отменил и трезвон во время своих переездов по городу.

«Я не хочу, – сказал он ключарю, – чтобы о моих обедах и закусках, о моих выездах в гости *трезвонили по городу*»[1]

(7; курсив подлинника).

Отличившийся богослов Алмазов оказывается в затруднительном положении (11): он, во-первых, назначен в академию, во-вторых, влюблен в светскую девушку, а в-третьих, пред ним ежедневно почти валялся на коленях его горемыка отец, заштатный пономарь, умоляя сына не ездить в академию. Любовь ему приключилась на уроках, которые он давал в доме, где встретился с Верою Татищевою, «институткою петербургского Николаевского института» (12), которая уже «была в четырех домах гувернанткою» (13), что, пожалуй, не составляет для нее особенно хорошей аттестации. Впрочем, не удивительно, что она переменила так много мест: очень уже она бойка. Богослов влюбился в нее, когда она «в качестве племянницы советника много выезжала, видела много людей и пришла к заключению, что на свете больше скверных людей, чем хороших». Тут ей пообычался Алмазов, и она «решилась, сблизившись с ним короче, *развивать его*»… Это *развивание* институткою богослова как две капли воды напоминает известные нигилистические романы, где герои прежде всего друг друга «развивали». Но как же эта шустрая девица берется за восполнение того, чего с ее возлюбленным не умели сделать профессора семинарии? – Очень просто: она исполняет это по общеизвестному рецепту тех же нигилистических романов: она дает богослову читать книги Тургенева, Гоголя, Пушкина и Лермонтова, а «потом перешла к Шекспиру, Гете и Вальтер Скотту», и все кончено: «Алмазов, имея двадцать три года, вырос в год так, как не

вырос бы в три года при рутинной замкнутости семинарской жизни». Так многомощна оказалась эта институтка, поправившая над богословом «тупость семинарского учения». Дело еще больше поправил ее дядя-советник: он стал «вывозить» Алмазова в свет (13), и богослов, очутившись в обществе, «блестящее которого есть круги, но *умнее нет*» (15), стал совсем «разносторонне развитым человеком» (14). Одно еще не ладилось: богослов хотя и был уже влюблен в Веру, но только при всем своем «многостороннем развитии» и светскости никак не мог с нею об этом объясниться; а между тем ему надо было ехать в академию, и дело могло этим кончиться. Но тут в бойкой институтке «сказалась женщина» (15), – она взяла да просто-напросто и отрезала развитому ею богослову:

«Напрасно скрываетесь; вы влюблены в меня два года и теперь любите… Да?»

Он, бедный, не успел ей ничего ответить, как она ему сейчас же ткнула:

«Вот вам моя рука».

Тот сначала «сжал руку», и так «прошло долго, долго», потом «сжал еще крепче»; потом «хотел поцеловать, но не решился». Бедовая девушка видит, что он опять очень долго копается, и сама «позволила ему поцеловать руку», и сама «поцеловала его в голову». Богослов и замечтал, – и полезло ему в голову, что нет ему нужды идти в академию, потому что он и так может счастливо устроиться. Он будет образцовым приходским священником, а жена его образцовою сельскою попадьею. Тут и начинают «фантазироваться» семинарские мечтания (18): «я делаю общие распоряжения, даю общие *справедливые пособия* (?), завожу фермы, сберегательные кассы, мастерские, и она с своею хорошенькою головкой, в простом платье, поднимая его над стройной ножкой, идет по грязи в крестьянскую школу, в сельскую больницу, к несчастному мужику и везде утешает…» Ее обожают, на нее смотрят как на ангела, на *привидение* (sic!). Она все это скрывает от мужа, «но я все знаю, – говорит размечтавшийся богослов, – я крепко обнимаю ее и крепко и нежно целую ее прелестные глаза, стыдливо краснеющие щеки и улыбающиеся румяные губы…» Автор очень кстати здесь ставит многоточие. Развитие Алмазова, как видите, уже несомненно (21): «в нем развилась *живая сила*, и он уже задается задачею быть *идеальным пастырем сельским* и в этом найти высокое наслаждение». Вот что сделала с молодым богословом институтка Николаевского института, – *она* дает нам «идеального сельского пастыря», а не духовная школа, от которой мы, как показывает г. автор, ждали этого совершенно напрасно…

Пусть так: станем смотреть в эту сторону – что сулит нам в устройстве нашего клира участие «николаевской институтки». Алмазов так расходился, что сейчас же написал Татищевой записку с предложением быть его женою, и послал эту записку «с мальчиком семинаристом». Этот бедный маленький Меркурий сейчас же слетал и примчал ответ: «приходите к нам сегодня вечером, – вопрос решится». Богослов «опрометью побежал» с вопросом: «да или нет?» Ответ, конечно, был: «да», и затем решено от академии отказаться и просить места сельского священника. Институтка так и рвется быть попадьею: ее влечет к этому (22) «общий голос, который признает жен священников *счастливицами*» на том основании, что «семинарист вступает в семейную жизнь, *не растратив сил*, и бережет жену, так как другой ему не дадут». Практические соображения девушки в этом роде поддерживает одна опытная особа – «дама, урожденная княжна Шаховская, аристократка по рождению». Эта кн. Шаховская, по уверению автора, узнав свет, говорила, что *«если бы только она могла возвратиться опять к девичьей жизни*, то ни за кого другого не вышла бы, как за священника». Но как урожденной княжне Шаховской уже нельзя было «возвратиться к девичьей жизни» затем, чтобы сделаться «попадьею», то это делает Татищева, – она выходит за Алмазова и приносит ему пять тысяч приданого. Алмазов знал, что начальство его «неблагосклонно» смотрит на женитьбу духовных на светских девушках, но решил не отступаться от Веры, а в случае несогласия архиерея «поступить в губернское правление».

Таким образом, мы чуть было не лишились *«идеального сельского пастыря»* в самом начале его карьеры, но архиерей Хрисанф и советник спасли дело. Советник «с орденом Анны на шее вошел в переднюю архиерея, и *лакей преосвященного встретил его как давнего знакомого*» (25) и «доложил о нем». Тут в книге вставлено несколько весьма интересных замечаний об архиерейских лакеях как о весьма своеобразном и вредном сорте людей. На 26-й странице автор говорит о типе архиерейских лакеев «в манжетах и нарукавниках». Они будто бы получаются архиереями преемственно от каких-то «вельмож» и, попав к архиереям, делаются страшными взяточниками и держат себя свысока даже перед «великолепными благочинными и протоиереями». Жизнь эти лакеи проводят такую, что г. Ливанов, изображая (27) многосторонние выгоды лакейского положения у архиереев, кратко, но искренно замечает: *«блажен лакей»*, – но на 28-й странице он к этому добавляет: *«только смотри, лакей!»* Значит, есть что-то такое, что и хорошо и худо; «блажен лакей, но смотри, лакей!» – в общем, формула очень замысловатая и назидательная. Но не похожий на многих других архиерей Хрисанф и лакея имел совсем особенного: автор объясняет, что этот архиерей взял себе лакея не от вельможи, а (27) «у одной дамы», отчего выбор вышел несравненно удачнее. Алмазову разрешается жениться на «светской особе» и назначается место в селе Быкове. Происходит обручение, на которое советник пригласил «нового письмоводителя архиерейского», рассуждая, что *«всегда пригодится»*. Предусмотрительность, напоминающая гоголевского Осипа в «Ревизоре» и, вероятно, не совсем излишняя: «все пригодится» на жизненном пути. Хрисанф хорош, а все письмоводителя не мешает иметь на своей стороне даже и при Хрисанфе… Это резон: запас беды не чинит и хлеба не просит. Потом ряд небезынтересных анекдотов об архиерейских письмоводителях, между которыми, если верить автору, совсем будто бы нет порядочных людей. Между тем во время этого пира Вера отыскивает «на кухне» своего будущего тестя и приводит его в комнаты, – богослов этим тронут и «готов упасть перед нею на колени и *молиться*» (35). Вера, по словам автора, все «вырастает», а при этом, надо сказать, и очень сильно *огрызается:* она (38) держится «в границах светской учтивости от *подлых намеков*», которые делают разные лица и между другими одна «губернаторская гувернантка, воспитывающая «будущего олуха». Отчего губернаторский сын непременно должен быть «олухом» – это секрет г. Ливанова, и мы не стремимся его ни опровергать, ни разгадывать, но не можем не подивиться: какую непонятную ноту держит наш странный автор? Он восстает будто бы против каких-то непочтительностей к порядкам, но сам защищает порядки весьма забавно. В десятой главе хроники у него изображается архиерейский эконом, отец Мардарий, который тоже не задачнее губернаторского сына, – он исповедует ставленников (43) «только за немалое приложение».

Поисповедавшись, Алмазов посвящается и (44) «делается батюшкою – отцом Александром, а Вера Николаевна матушкою».

На этом поворот солнца на лето, а зимы на мороз: повествование вступает в новую фазу, с которой начинается большее оживление и большая бестолковщина.

III

Молодые супруги перед отъездом из города делают визит ректору семинарии, архимандриту Вениамину, выпуская которого на сцену автор отмечает в его кондуите, что этот архимандрит «во время одного пожара, забывши свой сан, явился на пожарище *простым христианином*» (sic!). Почему архимандрит может «явиться простым христианином» только «забывши свой сан»?.. Это, вероятно, так, «с языка сорвалось». Выставив, однако, такую черту архимандрита, автор продолжает так (45):

«Читатель подумает: вот это будет архиерей так архиерей! Не торопись, читатель, заключением своим: в С. губернии лет восемь тому назад ректор семинарии был тоже необычайно энергичный человек. Все говорили: вот будет архиерей так архиерей! И что же вышло: сделавшись архиереем, он с трудом и отвращением подписывал даже срочные бумаги». «Что за причина такой апатии?» – спрашивает автор и отвечает: «причина та, что надо добыть *«ключи Петровы»*, а добывши их, можно и успокоиться, да и обстановка архиерейская много ослабляет деятельность владык: «торжественные повсюду встречи, колокольный звон» и т. п. – все это, по словам г. Ливанова, увлекает архиереев «помечтать». И г. Ливанов очень интересно говорит об этих «архиерейских мечтаниях». Они будто бы для сих мечтателей (46) «несравненно приятнее консисторских протоколов, которых накопляются целые груды». Правду или неправду говорит об этом г. Ливанов – это уже его дело, – его и ответ, а мы следуем за повестью. Ректор хвалит Веру, что она «не побрезговала названием *матушки*», но пожалел, что Алмазов «архиереем был бы», что, надо сказать, со стороны о. ректора не совсем тонко и деликатно. Молодые супруги делают крюк и заезжают к родителям Алмазова, в село Колывань. Село это – «почти дикое, и потому, когда хороший городской *возок*, запряженный тройкою почтовых лошадей, подъехал к маленькой, покрытой соломою избушке пономаря, то сбежалось к этой избушке чуть не целое село». Старики, поджидая гостей, решили, что они (47) отдадут молодым «горницу, а сами переселятся на сеновал». Разумеется, это несколько рискованно для старых людей, так как зимою на сеновалах очень холодно; но, по счастью для престарелых родителей Алмазова, тут со временами года совершается нечто странное: свадьба и посвящение происходят вслед за выпуском студента – стало быть, по осени, едут молодые уже в «городском возке», стало быть, по санному пути, а между тем встречающие их старики хотят спать на сеновале… Все это как-то не вяжется и *«не по сезону»*, но дальше мы увидим на этот счет нечто еще более удивительное. Обыватели «дикого села» приветствуют о. Александра с отменным простодушием: «ай-ай, Сашка, какую жену тебе бог дал»; родители суетятся, а «в это время горничная Веры, разодетая по-городски, носит разные узлы и картонки». Молодые назначают своим старикам пенсию; горничная молодых, «накормленная до пресыщения», после ужина приносит от старой попадьи «двуспальную кровать красного дерева», ставит ее «посреди комнаты, *убирает* новым бельем и подушками, вынув и шелковое одеяло для молодых»… Словом – справили их очень основательно и оставили в тепле и в холе, на двуспальной постели; а «старики» разбрелись так: пономарь пошел «на сеновал», старушка – «на потребицу», щеголеватую же горничную «положили в сенцах, под пологом, чтобы ее мухи не беспокоили…» (?) Вот как все это оборотилось: куда девался и зимний «возок»; как понадобилось автору – все вдруг так потеплело, что даже в холодные сени и мухи залетали!

«Так, – говорит автор, – вошла в семью новых *родителей своих* (вместо *мужниных* родителей) Вера Николаевна», – и, добавим от себя, она вошла прескверно и неодобрительно: на первых же шагах она заняла бесцеремонно их единственную комнату; разлеглась там на кровати красного дерева под шелковым одеялом, а стариков отпустила «на сеновал» да «на погребицу».

«О, если бы все наши поповны подражали ей!» – восклицает автор. Да; но что же бы тут было хорошего? Напротив, делает честь «поповнам», что они гораздо скромнее и не склонны к такому подражанию.

«Идеальный священник» с своею супругою едут далее, в село Быково (53); и по этому случаю в атмосфере опять происходит что-то непостижимое: на дворе вдруг делается «сентябрь месяц», мухи исчезают, как прежде исчез возок, и супруги Алмазовы, к немалой для всех неожиданности, въезжают уже не в возке, а в тарантасе…

«Эка какой форсистый! – говорят мужики. – Чопорно очень ездит».

Да и в самом деле – и форсисто и чопорно: одну путину и на полозьях и на колесах делает. – В своем селе молодые помещаются в церковной «сторожке», которую (56) бойкая горничная «идеальной попадьи» обратила в довольно комфортабельное помещение, с «спальною за перегородкою». Опять является эта постель, кисейная занавесь с бахромою – украшением, которому, кажется, нет никакой нужды появляться на временном ночлеге с приезда, да еще в сторожке. Алмазов говорит крестьянам речь (57), открываясь в ней, что он «хочет быть пастырем добрым, душу свою полагающим за овцы свои». – Ниже мы увидим, как он это сдержит.

Положение дел в приходе г. Ливанов описывает так (60): «причетники, особенно дьяконы, почти везде недовольны священником; последний со всем своим причетом редко похвалится благочинным, – никогда не скажет доброго слова о консистории; шепотом и оглядевшись, пожалуется и на более высокую власть; опишет множество поборов, взяток, чуть не податей, которые ему нужно платить предустановленным над ним властям… То старшина с ним обращается слишком гордо, то помещик притесняет его, то крестьяне составляют против него, или, лучше сказать, против его доходов *заговоры*» (61), «мироеды требуют, чтобы он пил с ними – иначе поп у них останется без куска хлеба». Алмазов был не таков и за то «потерпел полное фиаско на сходе». Но все это тем для нас интереснее, что Алмазов, приехавший «положить душу свою за овцы», в качестве «идеального попа» все это превозможет и переделает по самому совершенному способу, который может нам служить образцом реформаторских фантазий рьяных нетерпеливцев вроде автора рассматриваемой нами утопии.

Пятнадцатая глава называется: «Кабинет священника», – это очень курьезно: Алмазов нанимает дом в селе за 300 рублей; употребляет 200 рублей, чтобы «поставить его *на порядочную ногу*», – дом имеет «зальце, хорошенькую гостиную, женский будуар (?!), спальную и кабинет, убранный оригинально» (62). Вот эта *оригинальность*, или, лучше сказать, – юродство (ibid.): «над письменным столом своим о. Алмазов велел столяру *устроить шатер* деревянный, оканчивающийся крестом», и обложился книгами, – одних книг Веры «доходило числом до 200 названий», но что это за названия, автор не объясняет, хотя это очень интересно. Если можно держаться поговорки: «скажи, с кем знаком, и я скажу тебе, кто ты таков», то так же удобно сказать: покажи, какие ты книги читаешь, и я скажу, «коего ты духа», – число же книг само по себе не выражает физиономии чтеца. «Идеальную попадью» Веру Николаевну более характеризуют мелочи ее домоустройства (62): «к ней пришла на подводах рояль и все будуарные вещи». В доме явились «белые кисейные занавесы на всех окнах, ковры в гостиной, будуаре, спальной и кабинете, картины и зеркала на стенах, городская мебель». И Вера, «обозрев» дом, нашла, что все добро зело, – теперь, говорит, «можно жить по-человечески»; но только что учредилась эта благодать, как сейчас же погнал на нее грех: на «идеального» священника восстали весьма материальные враги сельского пастыря. Отсюда начало борьбы.

IV

Вводя рассказ в эту фазу, автор говорит: «ничто так не *убило* духовенства в России, как унизительная *система поборов*» (курсив подлинника). Этим «*заградили ему уста* к правде» (60). На 61-й странице автор продолжает: «19 число февраля 1861 года едва ли не сделало положение сельского духовенства еще хуже прежнего». – «Новая сельская аристократия, несмотря на свое аристократическое происхождение, успела заразиться спесью бар». Алмазов вышел на борьбу с этим злом; после первой же отслуженной им обедни он является с проповедью, после которой (70) «о нем не могли уже сказать, что это поп, каких много: он прямо *ударил на жизнь современную*».

Чрезвычайно интересно, в чем «идеальный священник» видит из-под своего балдахина эту современность в приложении к людям сельского прихода. Это и раскрывается из его проповеди, из которой мы позволим себе сделать небольшую выписку:

«Все теперь говорят, что народ нам нужно вести к лучшему. Но что такое это лучшее? Какие тут идеи, какие начала, какие цели? Вы укажете на народное просвещение, развитие народной деятельности и так далее, а мы скажем, что если все это не основано на началах строго нравственных, не проникнуто высоким духом нравственным, если при этом не имеется в виду нравственная жизнь народа, с ее потребностями и законами, тогда все это – пустоцвет, гниль. Что такое народ? – народ есть сила живая, сознательная, нравственная. Его нельзя усовершенствовать пустыми учебниками, как машину… Хотим ли мы в самом деле, чтобы народ был *истинно образованнее*, гражданственнее, деятельнее и крепче в своей жизни общественной, чтобы он умел хорошо пользоваться своими народными силами и правами?..» И так далее «идеальный священник» все говорит «слова, слова и слова» – слова громкие, едва ли понятные сельскому люду, – слова, привезенные из города за один подъем в зимнем возке и в тарантасе и слепленные под балдахином, который уже, видимо, приносит помеху. Не взмостись о. Алмазов так торжественно сочинять под балдахином, он бы, может быть, понял, что крестьянам совсем не нужны все эти рацеи о народе и общие взгляды об образовании, и он стал бы просто-напросто изъяснять писание и вести простые – гомилетические, или нравственные, – беседы, без подмеси острых специй полемики. В народе нет теоретиков, и сам автор почувствован это и должен был придумать «идеальному священнику» врагов не из крестьянства. Проповедью Алмазова обиделись (71) «помещики, бывшие в церкви», и особенно «нигилистка Кашеварова» (sic)… Да, г. автору понадобилась и «Кашеварова» – иной фамилии он как будто не мог сочинить для своей «нигилистки»… Престранная эта у г. Ливанова игра с известными именами; то архиерей Хрисанф, то княгиня Шаховская, то Татищева, и, наконец, еще Кашеварова, с закрепленным за нею титулом «нигилистки»… Не хитрый, но удивительно непосредственный прием, очевидно, возможный не для всякого. Автор говорит, что «Кашеварова росла дико среди ухаживаний военного своего батюшки за деревенскими бабами и, подросши, уехала в Петербург, где возилась с медицинскими студентами, родила ребенка в каком-то подвале и, наконец, брошенная *шаршавым либералом*, возвратилась *просвещать народ* (курсив подлинника)». У нее «в комнате два человеческих скелета, карты с изображениями типов обезьян, анатомические рисунки и портреты Дарвина и Сеченова» (77). И перед всеми-то этими страстями отцу Алмазову довелось петь тропарь и предлагать к целованию крест, от чего Кашеварова отказалась и на вопрос о религии отвечала, что ее «религия – труд» (78). Словом, она, как патентованная нигилистка, в бога не верит; но тогда зачем же она приходила в церковь? – можно думать, как будто нарочно, чтобы возненавидеть «идеального священника» и отомстить ему, заставя его у себя дома петь тропарь перед скелетами, обезьянами и портретом Сеченова… Это с ее стороны очень коварно: но зачем же г. Ливанов повел своего священника в такой дом и

заставил петь там перед такими страшилищами? Нынче и не «идеальные», а весьма обыкновенные, но благоразумные священники не навязываются с праздничными хождениями в те дома, где их не жалуют и не приглашают, и эти священники хорошо делают, что так осторожны. Зачем же идеальный священник добивался петь в доме Кашеваровой, которая его не звала петь? – Это, кажется, не резонно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Нужно заметить, что г. Ливанов, как видно, вовсе не знает того, что «трезвон» принято производить только тогда при проезде архиерея, когда он едет в церковь совершать божественную службу, во всех же остальных случаях он ездит по городу без звона. (Прим. ред. журнала)